

Михаил Булгаков **Мастер и Маргарита**

Инсценировка по мотивам романа

Музыка

Голос за сценой: Однажды весной, в час небывалого жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах...

Медленно освещается сцена, изнывая от жары, выходят Иван и Берлиоз; бросаются к бочке с пивом, видят надпись «Пива нет».

Иван: Ну конечно, когда сил нет дышать от жары, пиво рано кончается!

Берлиоз: Фу, чёрт, знаешь, Иван, у меня сейчас едва удар от жары не сделался. Что-то вроде галлюцинации... Ладно, вернёмся к твоей поэме. Так, что я тебе заказывал?

Иван: Поэму. Анти-ре-ли-ги-оз-ну-ю!

Берлиоз: Вот! Анти-ре-ли-ги-оз-ну-ю! А ты?

Иван: А что я?

Берлиоз: Главный герой у тебя Иисус Христос... Так?

Иван: Так. А что, неправильно?

Берлиоз: Нет, ошибка в другом! Очень он уж у тебя живой получился. Ну, как настоящий. Понимаешь?

Иван: Ну?

Берлиоз: Ну! Нельзя так, ведь его как личности не существовало! Сказка это. Миф. Выдумка.

Появляется Воланд. Иван и Берлиоз одновременно оглядываются.

Берлиоз: (тихо, Ивану) Немец!

Иван: Англичанин. Ишь, и не жарко ему в перчатках?

Берлиоз: Скорее француз...

Иван: А может, поляк?

Берлиоз: Ладно, продолжим. Ты, Иван, так хорошо описал рождение Иисуса, что, по твоему рассказу, он действительно родился...

Воланд: (неслышно подходя) Извините меня, пожалуйста, что я, не будучи знаком, позволяю себе... Но предмет вашей беседы очень интересный. Если я не ослышался, вы изволили говорить, что Иисуса не было на свете?

Берлиоз: (вежливо) Нет, вы не ослышались. Именно это я и говорил.

Воланд: Ах, как интересно! (Ивану) А вы согласны с вашим собеседником?

Иван: На все сто!

Воланд: Изумительно! Простите мою навязчивость, но вы, кажется, ещё и в бога не верите? Клянусь, я никому не скажу!

Берлиоз: Да, мы не верим в бога! Но об этом можно говорить совершенно свободно!

Воланд: Вы атеисты?

Берлиоз: (гордо) да, мы атеисты!

Воланд: Ах, какая прелесть!

Берлиоз: А в нашей стране это никого не удивляет!

Воланд: Благодарю за важные сведения, которые, мне, как путешественнику, крайне интересны! Но вот что меня беспокоит: ежели бога нет, то кто же управляет жизнью на земле?

Иван: Сам человек и управляет!

Воланд: Виноват! Но, чтобы управлять, нужно иметь план на хоть какой-нибудь короткий срок. А человек не только не может составить план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, скажем, лет на тысячу, но не может даже ручаться за собственный завтрашний день.

Берлиоз и Иван отходят в сторону

Воланд: Вообразите – вы начнёте управлять, входить во вкус, и вдруг у вас – ха-ха! Саркома лёгкого! Вот ваше управление и кончилось!

Берлиоз: (тихо, Ивану) Нет, он не иностранец. Но... кто же он такой? Надо ему возразить: да, человек смертен...

Воланд: (словно читает мысли, громко) Да, человек смертен! Но это ещё полбеды. Беда в том, что иногда он внезапно смертен. И вообще, не может сказать, что он будет делать сегодня вечером.

Берлиоз: ну, это преувеличение. Сегодняшний вечер мне известен точно. Конечно, если на Бронной мне не свалится кирпич на голову.

Воланд: (радостно) Кирпич не свалится! Вы умрёте другой смертью!

Берлиоз: (ехидно) Может быть, вы знаете, какой именно? И скажете мне?

Воланд: Охотно! Раз-два... Меркурий во втором доме... Луна ушла... Шесть-семь... Вечер есмь... (радостно) Вам отрежут голову!

Берлиоз: (весело подмигивая Ивану) А кто именно? Враги? Интервенты?

Воланд: Нет. Русская женщина. Комсомолка.

Берлиоз: Ну-у-у-у! Это мало вероятно.

Воланд: Да? Ну а вы что собирались делать сегодня вечером? Если не секрет...

Берлиоз: Секрета нет. Пойду к себе на Садовую, а потом в дом литератора. Будет заседание, я на нём буду председательствовать!

Воланд: Нет, этого не может быть. Ведь Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но и разлила. Так что заседание не состоится!

Иван: какая Аннушка? Какое масло? (Воланду) Извиняюсь, вы подождёте пару минут? Я хочу товарищу пару слов сказать.

Воланд: Пожалуйста, я не спешу!

Иван: (подходя к Берлиозу, тихо) Вот что, Миша, это не интурист! Это шпион. Спрашивай у него документы, а то уйдёт. Дураком прикидывается, а сам, слышь, как по-русски шпарит?

Воланд: (подходя) Извините, забыл представиться. Вот мой паспорт и приглашение приехать в Москву для консультаций. (подаёт документы)

Иван: (в сторону) Чёрт, слышал всё!

Берлиоз: Очень приятно! А какая у вас специальность?

Воланд: Я – специалист по чёрной магии! Я даже знаком с прокуратором древней Иудеи Понтием Пилатом! (уходит, но потом оборачивается) И учтите – Иисус существовал!

Берлиоз: определённо сумасшедший!

Иван: (Воланду) Иван: а сколько вам лет?

Воланд: О, гораздо больше, чем вы можете себе представить!

Иван: А вы сколько времени в Москве?

Воланд: А я... только что приехал!

Иван: А где вы остановились?

Воланд: Я? Нигде!

Берлиоз: Как? А где вы будете жить?

Воланд: (развязно) В вашей квартире!

Берлиоз: Очень рад. Но, право, у меня вам будет неудобно.

Воланд: (неожиданно сменив тему) А дьявола тоже нет?

Иван: Нет никакого дьявола!

Берлиоз: (Ивану) Не противоречь!

Воланд: Интересно! (хохочет) Что это у вас – чего не хватись, ничего нет?

Берлиоз хочет что-то сказать Ивану

Воланд: Вы хотите позвонить и сообщить, кому следует, про ненормального иностранца? Звоните! Но умоляю вас – поверьте хотя бы в то, дьявол существует! О большем я и не прошу (уходит).

Берлиоз: (вдогонку) Хорошо-хорошо! (Ивану) До вечера! (уходит)

Иван остаётся один, перелистывает рукопись, что-то поправляет в ней. Меркнет свет, звучит тревожная музыка, издали доносятся женские крики, которые становятся всё ближе... В большом волнении на сцену выбегают женщины.

1-я: Аннушка! Аннушка с Садовой! Это её работа!

2-я: Взяла она в бакалее подсолнечного масла, да литровку-то возьми и разбей!

3-я: Всю юбку изгадила!

4-я: Уж она ругалась-ругалась...

5-я: А он-то, бедный!

6-я: Кто бедный?

7-я: Да этот, с отрезанной головой! Стало быть, поскользнулся, да и поехал на рельсы!

8-я: А тут трамвай!

Иван: Трамвай?.. Аннушка?.. С отрезанной головой?.. Миша...

1-я: С женщиной-то, вагоновожатой, плохо сделалось!

Иван: А ведь он так и сказал – женщина голову ему отрежет... Женщина... Не-е-е-е-е-ет!!! (бежит среди толпы) Это он! Специалист. Так и сказал – отрежет голову! (вдалеке появляется Воланд) Это он! Держи его!

Толпа окружает Воланда

Иван: Кто вы такой? Сознавайтесь!

Воланд: не понимай... Русский говорить...

Иван: Не притворяйтесь! Вы не немец и не специалист! Вы убийца и шпион. Документы!

Воланд: Не понимай!

Входит Коровьев

Коровьев: (Ивану) Гражданин! Вы что волнуете интуриста? За это строжайше взыщется!

Иван: Лучше помогите задержать преступника. Вы обязаны это сделать!

Коровьев: Который преступник? Этот? Тогда первым делом надо закричать «Караул!» А то уйдёт. Давайте вместе: три-четыре...

Иван: Караул!

Коровьев смеётся

Иван: Ах, ты с ним заодно? Ты что же, глумишься надо мной? (хочет бежать, Коровьев загоразживает ему путь) Пусти! Надо его догнать!

Иван бросается вправо, Коровьев вновь загоразживает ему путь, Иван влево – Коровьев повторяет маневр.

Иван: Ты нарочно под ногами путаешься? Я тебя самого в милицию сдам!

Иван хочет схватить Коровьева, но тот ловко уворачивается, уходит. Иван падает.

Иван: Держи! Шпион! Преступник! Раз-два, Меркурий во втором доме... Луна ушла... Шесть-семь... Ему отрезали голову... Догна-а-а-ать!

1-я женщина: Определённо сошёл с ума... Надо вызвать милицию, скорую помощь...

Все, сочувственно глядя на Ивана, кивают

Иван: (почти плача) Аннушка... масло... вагоновожатая... специалист - бандит!

Раздаётся свисток, музыка, вбегают милиционер и санитары

Женщины: Вот он, ненормальный!

Санитары хватают Ивана, надевают на него смирительную рубашку.

Иван: (вырываясь) Да нормальный я, нормальный!

Санитары крепко держат Ивана, выходит профессор

1-я женщина: Здравствуйте, доктор! Вот известный поэт – Иван Бездомный. Опьянение. Не белая ли горячка?

Доктор: Сильно пил?

2-я: Нет, выпивал, конечно, но не так, чтобы очень.

Доктор: Тараканов, крыс, чёртиков не ловил?

З-я: Нет, я, например, вчера его видела, он был совершенно здоров!

Доктор: (Ивану) Так, здравствуйте!

Иван: (зло) Здорово...

Доктор: Сколько вам лет?

Иван: (кричит) Да подите вы ко всем чертям! (отворачивается)

Доктор: Что же вы так сердитесь? Разве я сказал вам что-нибудь неприятное?

Иван: Да я на вас жалобу подам!

Доктор: На что хотите пожаловаться?

Иван: А то, что меня, здорового человека, силой волокут в сумасшедший дом!

Доктор: Не в сумасшедший дом, а в клинику, где вас никто не станет задерживать, если в этом нет надобности

Иван: Слава те господи! Нашёлся хоть один нормальный человек среди идиотов!

Доктор: Да, позвольте спросить, а какого шпиона вы ловить собирались?

Иван: Который Берлиоза убил!

Доктор: Композитора?

Иван: Какой композитор! Писателя, друга моего, Мишу Берлиоза. Он его под трамвай пристроил.

Доктор: Толкнул?

Иван: Да при чём толкнул? Ему и толкать не надо! Он такие штуки выделывает, что только держись. Он заранее знал, что Миша под трамвай попадёт! Да позвоните же вы в милицию! Распорядитесь, чтобы выслали пять мотоциклистов для поимки иностранного шпиона! Я сам с ними поеду!

Доктор делает знак санитарам, они хватают упирающегося Ивана и уносят

Иван: Пустите! Бандиты!

Доктор: (глядя вслед санитарам и Ивану) Мда-а-а-а! Тяжёлый случай. Двигательное и речевое возбуждение, бредовые интерпретации... Шизофрения, надо полагать... Да ещё алкоголизм... (уходит, грустно качая головой).

Свет медленно гаснет, музыка

*Площадь у театра Варьете. Арка. На ней – объявление: «Только сегодня! Профессор Воланд с сеансами чёрной магии с разоблачением»
Выходят женщины*

1-я: а где же администратор? Он мне контрамарки обещал!

2-я: Вчера администратор Лиходеев был на месте. К нему ещё этот самый... Воланд заходил!

3-я: И что?

2-я: а ничего. По словам домработницы Груши, Лиходеев после этого визита исчез!

Подбегает финдиректор «Варьете»

Финдиректор: Позвольте, позвольте! Лиходеев исчез? Но он должен быть здесь! Простите, а может, эта Груша рассказала вам поподробнее?

2-я: Ивольте. Вчера вечером Лиходеев был... как бы это помягче... слегка нетрезв! Так вот, проснувшись утром, он обнаружил в своей комнате гостя. Тот накормил его изысканным завтраком, налил водки, показал контракт на свои выступления здесь, в «Варьете», про который сам администратор, кажется, ничего не помнил! Гость назвался Воландом... А потом Лиходеев пропал! Да, ещё Воланд сказал, что получил у финдиректора, ну, то есть у вас, аванс в 1000 рублей за выступление!

Финдиректор: У меня? Нет, не давал. Ничего не понимаю!

3-я: Да, этот Воланд, кстати, с помощником, поселился в квартире Лиходеева, а соседом его, между прочим, до вчерашнего дня был несчастный Миша Берлиоз. Тут что-то не чисто!

4-я: Да, квартира! Берлиоз умер? Умер! Помещение освободилось. Лично я в этом доме живу и пошла к управдому Никанор Иванычу с заявлением на эту жилплощадь, а то у меня теснота несносная!

5-я: Э, да ты не одна! Звонков-то про это много было! Но Никанор Иваныч и слушать никого не стал! Пошёл в 50-ю сам посмотреть, что там и как. И...

Все: Что?

5-я: Супруга его по секрету сказывала – там действительно профессор иностранный поселился. С помощником. Коровьев его, кажется, фамилия. Лиходеев, сказали ей, уехал, просил за квартирой присмотреть. Никанор Иваныч оскорбился страшно – без его-то ведомо! Но иностранец ему денег дал. Много! Пачку! Или две! Мол, за аренду. Отказываться вроде неудобно, Никанор Иваныч и взял. Домой принёс, в уборной спрятал... А тут – милиция! У вас, говорят, товарищ, незаконная валюта! И – в уборную! Достали доллары. Ну и всё. Замели управдома!

Финдиректор: Тут действительно не чисто!

Входит Коровьев

Коровьев: Позвольте, товарищи, минуточку внимания! Иностранный артист господин Воланд проведёт в театре «Варьете» гастрологи – сеансы чёрной магии с её разоблачением. Вот они, контрамарочки! Милости просим! Лучшие места! Только для вас!

Музыка, Коровьев раздаёт билеты, все выхватывают их у него из рук и расходятся.

Финдиректор: (растерянно, вслед уходящим женщинам) Какие гастрологи? В моём театре? Ничего не понимаю! Кто распорядился?

Коровьев: А ваш администратор Лиходеев и распорядился. Вот его приглашение!

Финдиректор: (разглядывая бумагу) А сам-то он где?

Коровьев: (противно хихикая) Извольте-с! Нету! Уехал! А вы что, телеграмму его не получали?

Финдиректор: Какую телеграмму?

Коровьев: Да вот она, у вас из кармана торчит!

Финдиректор: (изумлённо вытаскивает телеграмму, читает) Брошен Ялту гипнозом Воланда. Молнируйте Ялтинскому угрозыску подтверждение личности. Лиходеев.(растерянно) Ничего не понимаю...

Коровьев: И не надо! Лучше распорядитесь, что выступление господина Воланда сегодня в третьем отделении.

Финдиректор: А вы, собственно, кто?

Коровьев: Простите, забыл представиться. Помощник и переводчик господина Воланда – Коровьев! Весь к вашим услугам. Ну, до вечера! (уходит)

Финдиректор: (про себя) Что-то не нравится мне эта затея с сеансом магии. Да ещё телеграмма какая-то... чёрт-те что!

Входит девушка

Девушка: Товарищ финдиректор! Вам две сверхмолнии!

Финдиректор: (читает) Ялты в Москву. Варьете. Сегодня половину двенадцатого угрозыск явился шатен ночной сорочке без сапог. Психический. Назвался Лиходеевым. Молнируйте Ялтинский угрозыск, где Лиходеев.

Финдиректор: Здравствуйте, ваша тётя! (достаёт вторую «молнию», читает) Умоляю вернуть. Угрозыск не верит! Лиходеев. Этого не может быть!

Уходит в задумчивости, приносит телефон, берётся за трубку

Голос Коровьева: Не надо никуда звонить!

Финдиректор достаёт телеграммы

Голос Коровьева: И телеграммы лучше никому не показывать!

Финдиректор: Да что это ещё за шутки?

Он снова хватается за телефон. Тревожная музыка, звук грома. Вспышки молний. Финдиректор в ужасе кричит, падает

Голос Коровьева: Я же сказал – не надо никуда звонить! Ты русский язык понимаешь?

Внезапно всё стихает. Темнота. Пауза.

Театр «Варьете», зрители заняли свои места. Три звонка. Публика аплодирует. Выходит финдиректор, кланяется.

Финдиректор: Итак, граждане, сейчас перед вами выступит знаменитый иностранный артист мосье Воланд с сеансом чёрной магии. Ну, мы-то с вами понимаем, что её вовсе не существует на свете, что она есть суеверие, а просто мосье Воланд владеет техникой фокуса, что и видно будет из разоблачения этой техники, а так как мы все и за технику, и за её разоблачение, то попросим господина Воланда!

Под аплодисменты публики выходит Воланд, Коровьев несёт за ним кресло

Воланд: Скажи-ка мне, любезный Фагот, как по-твоему – ведь московское народонаселение значительно изменилось?

Фагот: Точно так, мессир!

Воланд: Ты прав. Горожане изменились внешне, как и сам город, впрочем, о костюмах уж и говорить нечего. Появились эти... как их... трамваи, автобусы, автомобили...

Финдиректор: Иностранный артист выражает своё восхищение Москвой, выросшей в техническом оснащении, а также москвичами!

Воланд: Разве я выразил восхищение?

Фагот: Никак нет, мессир, никакого восхищения вы не выражали!

Воланд: так что же говорит этот человек?

Фагот: А он попросту соврал! Поздравляю вас, господин соврамши!

Смех публики

Воланд: Но меня не столько интересуют автобусы, телефоны... и прочая...

Фагот: Аппаратура!

Воланд: Благодарю, совершенно верно... сколько гораздо более важный вопрос: изменились ли горожане внутренне?

Фагот: Да, это важно!

Воланд: Однако, мы заговорились, дорогой Фагот, публика начинает скучать. Покажи-ка для начала что-нибудь простенькое!

Зал оживился. Фагот достаёт карты, подбрасывает, перетасовывает, прячет

Фагот: А теперича эта колода находится на галёрке у гражданина Парчевского. Как раз между трёхрублёвкой и повесткой о вызове в суд по делу об уплате алиментов гражданке Зельковой!

Один из зрителей с удивлением достаёт колоду из своего кармана, хочет отдать её Фаготу

Фагот: Да пусть останется у вас на память. Недаром же вы говорили вчера за ужином, что кабы не покер, то жизнь в Москве была бы несносной!

7-я: Стара штука! Он из той же компании!

Фагот: Вы полагаете? В таком случае, и вы в одной шайке с нами, потому что она у вас в кармане!

8-я: Верно, у неё! Тут... тут... стой, да это же червонцы!

7-я: Ей богу, настоящие!

6-я: Сыграйте и со мной в такую колоду!

Фагот: Аvek плезир! Но почему с вами одной? Все примут горячее участие! Прошу глядеть вверх – раз! Два! Три!

*Музыка, сверху посыпались деньги, зрители срываются с мест, подбирают их, отталкивая друг друга.
Слышатся возгласы*

6-я: Червонцы, червонцы! Ах! Ах!

7-я: Ты чего хватаешь?

8-я: Это мне! Мне!

6-я: Ко мне летела!

7-я: Да ты не толкайся, я тебя сама толкну!

Толпа постепенно успокаивается

Финдиректор: Вот, граждане, мы с вами видели сейчас случай так называемого массового гипноза. Попросим же господина Воланда разоблачить этот научный опыт. Сейчас вы увидите, что эти бумажки исчезнут так же, как и появились! (аплодирует сам себе. Публика злобно молчит).

Фагот: А это опять случай вранья. Бумажки, граждане, настоящие!

Толпа: Браво!

Фагот: А этот (кивает на финдиректора) мне надоел! Суётся, куда не просят, ложными замечаниям портит сеанс. Что бы нам с ним сделать?

7-я: Голову ему оторвать!

Фагот: Ась? Голову оторвать? Отличная идея! Айн! Цвай! Драй!

Музыка. Све гаснет. Шум. Свет зажигается – финдиректор стоит без головы. Публика в ужасе кричит.

7-я: Доктора!

Фагот: (финдиректору): Ты будешь ещё молоть всякую чушь?

Финдиректор отчаянно жестикулирует

6-я: Ради бога, не мучайте его!

Фагот: Простить, что ли?

Все: Простить! Простить!

Фагот: (Воланду): Как прикажете, мессир?

Воланд: Ну что же... люди как люди... Любят деньги, но ведь это всегда было... Ну легкомысленны, ну что ж – милосердие иногда стучится в их сердца. Обычные люди. Напоминают прежних... Квартирный вопрос вот только испортил их... Верните голову!

Свет гаснет. Музыка. Свет зажигается – финдиректор стоит с головой. Публика облегчённо вздыхает.

Финдиректор (ощупывая голову): Голова моя... голова... квартиру возьмите, машину... берите всё.. верните голову! (убегает)

Воланд: Ну что, Фагот, теперь откроем дамский салон! (щёлкает пальцами, Коровьев выносит ширму)

Фагот: Фирма совершенно бесплатно производит обмен старых вещей на парижские модели платьев, обуви, сумочек... Есть духи, помада. Прошу – без всякого стеснения и церемоний!

Публика долго не решается. Наконец, одна дама выходит.

Фагот: Bravo! Приветствую первую посетительницу! Начнём, мадам, с обуви! (усаживает её, примеряет туфли)

Мадам: А они не буду жать?

Фагот: Что вы, что вы!

Мадам: Я беру эту пару, мосье!

Выбрасывает старые туфли. Фагот приглашает даму за ширму, некоторое время ничего не происходит, публика волнуется. Наконец, дама выходит. Она преобразилась. В зале – вздох зависти.

Фагот: Фирма просит принять это всё в подарок, мадам!

Мадам: Мерси!

Все, кто сидел в зрительном зале, соскакивают с мест, бросаются за ширму. Музыка. Из-за ширмы летят на сцену одежда, перчатки, обувь, сумочки. Слышны возгласы: «Деспот! Мецанка! Не ломайте мне руку! Пусти, я тоже хочу новое платье!» Гаснет свет.

Голос Фагота: За поздним вечером магазин закрывается до завтрашнего вечера!

Музыка стихает, её сменяет другая тема. Медленно зажигается тусклый свет. В глубине сцены – фигура Ивана за решёткой. Он сидит в той же позе, в которой его оставили. Входит Мастер. Иван поднимает голову.

Мастер: Тс-с-с-с!

Иван: Как вы сюда попали? Решётки-то на замках!

Мастер: А наша нянечка – милейший человек, но – рассеянный. Я стащил у неё связку ключей и получил возможность выходить на общий балкон... могу вот теперь иногда навестить соседа.

Иван: Так значит, вы можете убежать?

Мастер: Нет, удрать не могу... удирать-то мне некуда... Итак – сидим?

Иван: Сидим...

Мастер: Да, вы, надеюсь, не буйный? А то не выношу шума, насилий, в особенности неприятен мне крик людской... ну, успокойте меня – не буйный?

Иван: Не, нет, что вы!

Мастер: Профессия?

Иван: Поэт!

Мастер: Ох, как мне не везёт! Извините, в фамилия ваша?

Иван: Бездомный...

Мастер: Эх, эх...

Иван: А вам что, стихи мои не нравятся?

Мастер: Ужасно не нравятся!

Иван: (с вызовом) А какие вы читали?

Мастер: Да никаких я ваших стихов не читал!

Иван: А как же вы говорите?

Мастер: Ну, что тут такого? Как будто я других не читал... Впрочем, ладно, готов принять на веру. Хороши ваши стихи, скажите сами?

Иван: Чудовищны!

Мастер: Не пишите больше!

Иван: Обещаю!

Мастер: А как вы попали сюда?

Иван: Из-за Понтия Пилата

Мастер: Как? Потрясающее совпадение! Расскажите, умоляю!

Иван: И ещё из-за одного... иностранца.. Он заранее знал, что несчастный Миша Берлиоз попадёт под трамвай!

Мастер: Какой ужас! Не знал Берлиоза, но уже жалею, что на его месте не было критика Латунского или литератора Мстислава Лавровича... дальше! Хотя... я уже знаю, кто это был.

Иван: Ну?

Мастер: На Патриарших прудах вы встретились с сатаной!

Иван: Не может быть! Его не существует!

Мастер: Вам ли говорить? Ведь вы один из первых, кто от него пострадал!

Иван: Так значит, стало быть, он действительно мог быть у Понтия Пилата... ведь он уже тогда родился? А меня сумасшедшим называют!

Мастер: Будем глядеть правде в глаза. И вы, и я – сумасшедшие, чего отпираться. Но то, что вы рассказали, было в действительности. Ваш собеседник был у Понтия Пилата и теперь навестил Москву.

Иван: Да ведь он ещё чего натворит! Как-нибудь его надо изловить!

Мастер: Вы уже попробовали, не советую больше. Ах, как жаль, что с ним встретились вы, а не я!

Иван: А зачем он вам?

Мастер: Видите ли, я здесь сижу из-за того же Понтия Пилата. Дело в том, что год назад я написал о нём роман!

Иван: Вы писатель?

Мастер: Я – Мастер! (надевает на голову шапочку с буквой «М»)

Иван: А как ваша фамилия?

Мастер: У меня больше нет фамилии. Я отказался от неё, как и от всего в жизни.

Иван: Так вы хоть про роман расскажите!

Мастер: Извольте-с! Я историк по образованию, работал в одном музее, не имея ни родных, ни знакомых в Москве. Жил тихо, незаметно, и вот однажды выиграл по облигации сто тысяч рублей... И я решился... бросил всё – музей, комнату на Мясницкой, снял квартиру в подвале маленького дома на Арбате и начал сочинять роман о Понтии Пилате. Это был золотой век: совершенно отдельная квартира, маленькие оконца... напротив сирень, липа и клён. Наступила весна, и я увидел одевающиеся в зелень кусты сирени. Это было восхитительно! Голова моя стала ясной, роман летел к концу... я выходил гулять и однажды... однажды я увидел её...

Свет гаснет. Луч – на одну сторону сцены, где появляется Маргарита с букетом

Маргарита: ... Я несла в руках отвратительные жёлтые тревожные цветы. Они почему-то первыми появляются в Москве. Нехороший цвет! Я повернула с Тверской в переулочек, оглянулась и увидела...

Мастер: ...Ручаюсь, она увидела меня одного, и меня поразила не столько её красота, сколько необыкновенное одиночество в глазах...

Маргарита: ... Он пошёл по моим следам, и не было в переулочке никого, кроме нас...

Мастер: .. Я мучился, так как мне казалось, что с нею необходимо поговорить, но боялся, что не смогу вымолвить ни слова, и она уйдёт...

Маргарита: ...Тогда я спросила, нравятся ли ему мои цветы...

Мастер: ..Я помню, как прозвучал её голос, перешёл на её сторону в переулочке и ответил: «Нет. Я люблю розы»...

Маргарита: ...Он, наверное, пожалел об этом, потому что я бросила цветы в канаву. Потом мы молча пошли рядом...

Иван: Дальше! И не пропускайте ничего!

Мастер: Дальше? Дальше вы и сами могли бы угадать. Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулочке и поразила нас обоих. Сразу.

Маргарита: Да, любовь поразила нас мгновенно! Мы разговаривали так, будто расстались вчера, будто знали друг друга много лет.

Мастер: Она жила с мужем в шикарном особняке, но что нам было до того! Она приходила в мою квартирку, готовила завтрак... Когда шли майские грозы, мы растапливали печку. Я работал, она перечитывала написанное, сулила мне славу, подгоняла меня и стала называть Мастером.

Маргарита: В его романе была моя жизнь!

Мастер: Он был дописан в августе, и настал день, когда пришлось выйти в жизнь, держа его в руках. Но тогда моя жизнь кончилась! Я попал в мир литературы, и он порастил меня! Редактор... он прочитал. Не спрашивая даже по существу романа, он интересовался, кто надоумил меня сочинить роман на такую странную тему. Он мне надоел, и я спросил напрямик, будут печатать мой роман или нет. Редактор суетился, говорил, что всё зависит от критика Латунского и литератора Мстислава Лавровича. Я пришёл вновь через две недели, услышал вежливый отказ, а потом в газетах появились оскорбительные статьи Латунского и Мстислава Лавровича по поводу моего романа.

Маргарита: Настали безрадостные дни. Роман был написан, делать было нечего, и мы оба сидели и смотрели в огонь. Мы стали больше расставаться... Статьи не прекращались.

Мастер: А потом наступил страх. Я стал бояться темноты. Однажды в сумерки она ушла, пообещав вернуться утром. Я заснул, не зажигая лампу, а, проснувшись, понял, что осенняя тьма сейчас выдавит стекла, и я захлебнусь в ней. У меня хватило сил разжечь в печке дрова, я смотрел на огонь и звал её. Но она не шла...

Маргарита: Тогда случилось последнее: он вынул рукописи романа и начал жечь их. Это было трудно, потому что исписанная бумага горит неохотно.

Мастер: Я яростно добивал кочергой чернеющие листы, потом выбежал из дома, страх гнал меня в никуда... Впору было броситься под трамвай, но я боялся и трамвая... А эта клиника уже открылась, и я пошёл в неё. И вот уже четвёртый месяц здесь, и, знаете ли, нахожу, что здесь неплохо. Не надо задаваться большими планами... Хотел объехать весь земной шар, да, видно, не суждено!

Иван: А... она?

Мастер: Она? Бедная женщина... Впрочем, у меня есть надежда, что она забыла меня.

Свет гаснет, меняется музыкальная тема. Медленно освещается часть сцены, где стоит скамейка. На ней – Маргарита.

Маргарита: Нет! Мастер ошибался. Я не забыла его. Я сделала всё, чтобы что-нибудь разузнать о нём, и, конечно, не узнала ничего. Зачем тогда ночью я ушла от него? Зачем? Ведь это же безумие! Я вернулась утром, как и обещала, но было уже поздно. Ноя верую! Что-то произойдёт, не может не произойти! За что же мне послана пожизненная мука – вернувшись к нелюбимому мужу, любить его? Но не бывает ведь так, чтобы что-нибудь тянулось вечно!

Выходит дама, садится рядом

Дама: Маргарита Николаевна! Не помешаю? Не слышали новость? Вчера в театре фокусник такое показывал, что все ахнули! Всем раздавал платья и духи французские бесплатно, а потом, как сеанс кончился и публика на улицу вышла, как... хватать – все оказались голые!

Маргарита (хохочет): Ну как не стыдно! Врут ведь всё в очередях, а вы повторяете!

Дама: Да нет же, не врут, сама видела гражданку, которая пришла в гастроном в туфлях, а как стала платить, туфли исчезли, а вместо десятки в руке бумажка оказалась. Она со стыда чуть не провалилась, ушла сразу!

Маргарита: Что, так босиком и пошла?

Дама: Так и пошла! Да вчера милиция человек сто забрала ночью. Гражданки с этого сеанса в одних панталонах бежали, а некоторые таксистам вместо денег пытались мятые газетные обрывки совать!

Дама уходит. Маргарита остаётся в раздумье. За сценой – тяжёлые барабанные звуки, похожие на похоронный марш.

Маргарита: Какие странные похороны. И какая тоска от этого барабана... Ах, право, дьяволу бы заложила душу, чтобы узнать, жив Мастер или нет... Интересно, кого это хоронят?

Коровьев (неслышно подходя к скамейке): Берлиоза Михаила Александровича

Маргарита (вздрогнув): Позвольте, какого Берлиоза? Это что в газетах сегодня...

Коровьев: Как же, как же...

Маргарита: Так это, стало быть, литераторы за гробом идут?

Коровьев: Естественно они!

Маргарита: А вы знаете их в лицо?

Коровьев: Всех до одного!

Маргарита: А нет ли там критика Латунского?

Коровьев: Вон он- с краю в четвёртом ряду!

Маргарита: Ненавижу его! И ещё кое-кого! Но об этом неинтересно.

Коровьев: Да уж, ничего интересного, Маргарита Николаевна!

Маргарита: Вы меня знаете?

Коровьев: А как же! Я ведь к вам послан по дельцу! Чтоб к вечеру пригласить вас в гости к одному знаменитому иностранцу.

Маргарита (зло): Это что, новая порода появилась – уличный сводник?

Коровьев: Ну спасибо... Дура!

Маргарита: Мерзавец!

Коровьев: А как же Понтий Пилат? Да пропадите вы тут одна и умоляйте хоть кого, чтоб некий Мастер ушёл из вашей жизни!

Маргарита: Мои мысли? Как вы могли узнать? Вы что-нибудь знаете о нём? Жив он – скажите хоть это?

Коровьев: Сколько вопросов! Ну, скажем, знаю. Жив! Жив!

Маргарита: Простите, простите... Но, согласитесь, когда женщину приглашают ни с того ни с сего в гости... У меня нет охоты общаться с иностранцами. Кроме того, мой муж... Это моя драма! Живу с мужем, которого не люблю, но он добр ко мне, поэтому не могу портить ему жизнь.

Коровьев: Прошу минутку помолчать! я приглашаю вас к иностранцу безопасному и, кроме того, ни одна душа об этом не узнает.

Маргарита: Я узнаю там... о нём?

Коровьев кивает. Маргарита всё ещё сомневается

Коровьев: Ну, без драм! В моё положение тоже надо входить! Сунуть когонибудь под трамвай, напугать, отправить в Ялту и ещё всякие там штуки – это моя специальность. но разговаривать с влюблёнными женщинами... полчаса вас уламываю! Ну так как, едете?

Маргарита (решаясь): Еду! Еду куда угодно!

Коровьев (достаёт баночку с кремом): Сегодня в десять потрудитесь натереться этим кремом и ждите. Я позвоню.

Свет гаснет. Бой часов – десять ударов. Освещение – только на Маргариту. Она открывает баночку, начинает мазать лицо, руки...

Маргарита: Что это? Что это? Кажется, тело теряет вес! Я свободна! Свободна от всего! Я знала, что-то случится! Только... только один долг! (берёт ручку, лист бумаги, пишет) Прости меня. Прости и забудь. я покидаю тебя навек. не ищи меня. Я стала ведьмой от бед, поразивших меня. мне пора. Прощай. Маргарита.

Раздаётся телефонный звонок. Маргарита бросает листок, берёт трубку

Голос Коровьева: Пора. Вылетайте. На юг, вон из города! Прямо на реку. Вас ждут. (гудки)

Маргарита: Я смогу летать! Невидима и свободна!

Освещение, как лунной ночью. Раздаётся звон стекла, шум воды, крики. Выбегают женщины в халатах, бигуди, с тазиками

3-я: Что это?

4-я: Что это было?

5-я: Ничего не понимаю!

1-я: Мы, как обычно, ругнулись с соседкой на кухне, и вдруг... кто-то проник в квартиру... женский голос смеялся над нами, а потом этот кто-то потушил везде свет!

2-я: Это что! А вот в нашем доме, в квартире критика Латунского, - он напротив меня живёт. такое было! Он до сих пор без сознания лежит.

Пришёл домой – а там рояль разбит вдребезги, стёкла, зеркала побиты. От ваз с фикусами одни осколки остались, изрезана вся одежда, простыни

4-я: А я проснулась – капает с потолка. Надо мной литератор живёт, Мстислав Лаврович. Я – бегом к нему. Дверь – настезь! все краны открыты! Вода хлещет! Мебель плавает. Ужас!

7-я: Полицию! Надо вызвать полицию!

Снова раздаётся звон стекла

8-я: опять! Кажется, в квартире редактора бьют! Ой, что будет!

Голос Маргариты: а ничего больше не будет! Расходитесь по домам. Спокойной ночи!

Постепенно все расходятся, всё затихает. Освещая себе дорогу фонариками, выходят Коровьев и Маргарита

Коровьев: Вот вы и здесь. Прошу вас, сюда! Осторожно, нам в квартиру пятьдесят. (скрип двери, звук шагов) Вот мы и на месте. Но давайте ближе к делу, Маргарита Николаевна. вы женщина умная и, конечно, догадались, кто наш хозяин (Маргарита кивает) Ну так вот, сегодня мессир даёт один бал. Народу! Так вот – мессир холост. Но нужна хозяйка. Как без неё? И наша традиция: хозяйка бала должна носить имя Маргарита и быть местной. Сто двадцать одну Маргариту нашли мы в Москве, ни одна не подошла. И вот – судьба! Короче, вы не откажитесь?

Маргарита: Не откажусь!

Коровьев: Бал будет пышный и... вы не должны ничего бояться. Вот мы и пришли!

Сцена немного освещается. На сцене – низкий столик, свечи, глобус, шахматы. За столиком сидит Воланд, рядом с ним, на полу – Гелла, растирает Воланду колено.

Воланд: Приветствую вас, королева! Подойди! (Маргарита подходит) Итак, рекомендую мою свиту. С Коровьевым вы уже познакомились. Служанка Гелла. Расторопна, понятлива, и нет такой услуги, которую она не смогла бы оказать. Общество небольшое, но бесхитростное. (Воланд поднимается, прихрамывая) Гелла, пора!

Гелла уходит

Воланд: Нога разболелась, а тут этот бал!

Маргарита: Позвольте мне (начинает втирать мазь в колено Воланда)

Воланд: Приближённые утверждают, что это ревматизм. Но, думаю, эта боль осталась на память от одной ведьмы, с которой я познакомился в 1571 году... Лет через триста пройдёт... Я придерживаюсь бабушкиных средств. Поразительные травы! Кстати, а вы не страдаете чем-либо, есть ли какая печаль, отравляющая душу тоска?

Маргарита: Нет, мессир, ничего этого нет.

Воланд: Хорошо! Итак, прошу вас! Заранее благодарю. Не теряйтесь и ничего не бойтесь! Пора!

Свет гаснет. Коровьев с зажжённым фонариком вновь подходит к Маргарите

Коровьев: Разрешите, королева, дать вам последний совет. Среди гостей будут разные. Но никому, никому никакого предпочтения! Если вам кто-то не понравится – вы не должны показать этого. Вы должны полюбить его! Не пропустить никого, хоть улыбочку, что угодно, но не невниманье! Итак, бал!

В глубине сцены вспыхивает большая люстра. Сцена освещается полностью. Музыка. Коровьев подводит Маргариту в центр, встаёт рядом, с другой стороны Воланд.

Маргарита: Где же гости?

Коровьев: Будут. Сейчас будут!

Часы бьют двенадцать. Последний удар самый громкий. По очереди со всех сторон выходят гости – нечистая сила.

Коровьев (Маргарите): Господин Жак с супругой. Отравил королевскую любовницу, сам повесился.

Маргарита: Я в восхищении!

Коровьев (о новой паре): Граф Роберт. Наоборот, был любовником королевы, отравил свою жену. Мы рады, граф!

Маргарита: Я счастлива!

Коровьев (о новой гостье): Госпожа Тофана. Её удавили в тюрьме, где она сидела за жуткие убийства..

Маргарита: Я в восхищении, госпожа!

Поток гостей. С каждым Маргарита перебрасывается парой слов, говорит слова восхищения. Последней идёт Фрида.

Коровьев: Опять эта Фрида! Сейчас пожалуется на свой платок!

Маргарита: Какой платок?

Коровьев: К ней служанка приставлена и тридцать лет кладёт ей на стол перед сном платок, которым та задушила своего новорождённого ребёнка.

Маргарита: Рада вас видеть. Вы... любите шампанское?

Фрида: Люблю! Меня зовут Фрида, о, королева!

Маргарита: Так пейте сегодня шампанское и не думайте ни о чём! А я постараюсь помочь вам!

Выходит Берлиоз без головы.

Воланд: а вот и Михаил Александрович! Всё сбылось, не так ли? Голова отрезана женщиной, и я живу в вашей квартире. Это – факт. а теперь мы выпьем за ваше здоровье, господа!

Коровьев приносит два бокала шампанского, Воланд и Маргарита пьют. Гелла разносит шампанское всем гостям.

Воланд: Бал продолжается!

Музыка. Все гости по очереди танцуют с Маргаритой. Потом по одному исчезают. Сцена погружается в полумрак.

Воланд (подходя к Маргарите): Ну что, вас сильно измучили?

Маргарита: о, нет, мессир! Но я так волновалась!

Коровьев: Конечно, наверняка, гораздо больше, чем когда разносила квартиру критика Латунского!

Воланд: Что за Латунский?

Маргарита: есть такой критик. Он... он погубил моего Мастера.

Воланд: Ну а самой-то зачем было трудиться?

Коровьев (доставая пистолет): Разрешите мне, мессир!

Маргарита: Нет, мессир, умоляю, не делайте этого!

Воланд: как угодно.

Маргарита: Благодарю вас! А теперь, пожалуй, мне пора...

Воланд: Куда же вы спешите? Сядьте-ка! Может быть, вы хотите что-нибудь сказать на прощание?

Маргарита: Нет, ничего, мессир!

Воланд: Верно! Вы правы! Так и надо! Никогда ничего не просите! В особенности тех, кто сильнее вас. Сами предложат. Садитесь, гордая женщина! Итак, Марго, чего вы хотите за то, что были у меня сегодня хозяйкой? Смелее, будите фантазию! Ну!

Маргарита: Я могу попросить об одной вещи?

Воланд: Потребовать! Потребовать одной вещи!

Маргарита: Я хочу... чтобы Фриде перестали подавать платок по ночам... она... она верит в мою помощь... ничего не поделаешь. Так уж вышло. Вы сделаете это?

Воланд: ни в коем случае! Вы сделаете это сами!

Маргарита: А разве я смогу?

Воланд: Да делайте же!

Коровьев (подсказывает): Ну, зови: «Фрида!»

Маргарита: Фрида! (Фрида входит) Тебя прощают. Не будут больше подавать платок!

Фрида падает на колени, Коровьев поднимает её и уводит

Воланд: Ну что же, не будем наживаться на поступке непрактичной женщины. Это не в счёт. Я ничего не делал. Что вы хотите для себя?

Маргарита: Я хочу... чтобы сию секунду мне вернули моего любимого... моего Мастера!

Музыка, входит Мастер

Маргарита: Ты...

Мастер: Не терзай меня! Я болен. Мне страшно. У меня снова галлюцинации.

Воланд: Да, его хорошо отделали. (Коровьеву) Дай-ка ему чего-нибудь выпить!

Коровьев подносит стакан, Мастер пьёт, роняет стакан

Коровьев: К счастью! Смотрите! Он приходит в себя!

Мастер: Марго... ты?

Воланд: Ещё!

Коровьев подносит Мастеру ещё один стакан

Воланд: Откуда вы сейчас

Мастер: Из дома скорби! Я душевнобольной.

Воланд: Вы знаете, у кого находитесь?

Мастер: Да... мой сосед по палате... он рассказал мне о вас.

Воланд: А почему Маргарита называет вас Мастером?

Мастер: Это простительная слабость. Она слишком высокого мнения о моём романе. Я написал роман. О Понтии Пилате.

Воланд: о ком? Вот теперь? Потрясающе! Дайте посмотреть!

Мастер: К сожалению, это невозможно! Я сжёг его в печке.

Воланд: Не может быть! Рукописи не горят. Коровьев, рукопись!

Коровьев приносит рукопись

Маргарита: Вот она, рукопись, вот она!

Воланд: Ну, что дальше?

Маргарита: Прошу вас опять вернуть нас в подвал на Арбат, и чтоб всё стало, как было!

Мастер: не слушайте бедную женщину! В этом подвале давно живёт другой человек. И вообще, не бывает так, чтобы всё стало, как было...

Воланд: Да, не бывает. Коровьев, вина!

Коровьев подаёт вино. Мастер и Маргарита пьют. Маргарита падает.

Мастер (Воланду): Отравитель! (падает)

Коровьев: Всё в порядке! (приносит другой бокал), вливает в рот Мастеру и Маргарите несколько капель

Маргарита (медленно поднимаясь): За что? Что вы сделали со мной? (видит Мастера) Этого я не ожидала. Убийца!

Коровьев: Ах, нет же, он сейчас встанет. Оскорбление всегда было наградой за хорошо выполненную работу!

Мастер (вставая): что всё это значит?

Воланд: Это значит, что вам пора! Гроза, слышите? Темнеет. Прощайтесь с прежней жизнью!

Мастер: Понимаю. Вы нас убили. Мы мертвы. Как вовремя!

Воланд: Помилуйте, разве для того, чтобы считать себя живым, нужно жить в подвале и носить больничные кальсоны? Смешно!

Мастер: Не продолжайте! Я понял.

Маргарита: Великий Воланд! Он выдумал всё лучше, чем я. Но только роман возьми с собой, куда бы ты не летел!

Мастер (бросает папку на пол): Не надо. Я помню его наизусть! Хотя... (поднимает папку)

Маргарита: прощай, прежняя жизнь! Прощай, страдание!

*Свет гаснет, луч света – на Ивана за решёткой. К нему подходит
Мастер*

Иван: Это вы? Я всё жду вас. Вот вы и пришли, мой сосед.

Мастер: Это я. Но я уже не ваш сосед. я улетаю. Навсегда. Зашёл только попрощаться.

Иван: я догадался. вы встретили... его?

Мастер: Да. Я зашёл попрощаться, ведь вы единственный, с кем я говорил в последнее время.

Иван: а знаете, я ведь сдержу слово. Не буду больше стишки писать.

Мастер: А это правильно. Вы теперь другое напишите. Продолжение моего романа. А мне пора.

Иван: Пойдите... ещё одно слово... а её... её вы нашли? Она осталась вам верна?

Мастер: Вот она!

Маргарита (подходя): Бедный, бедный...

Иван: Какая красивая! Как хорошо у вас всё вышло!

Мастер: ну, прощайте, ученик. У вас тоже всё будет хорошо.

Луч освещает только Мастера и Маргариту. Взявшись за руки, они медленно уходят. Иван некоторое время сидит неподвижно, затем кричит

Иван: Доктор! Доктор! (входит доктор) Скажите, в соседней палате... что сейчас там случилось?

Доктор: В соседней? Скончался сейчас сосед ваш.

Иван: я так и знал! И, уверяю вас, сейчас в городе скончался ещё один человек... и я даже знаю, кто. Это женщина.

Свет гаснет. Когда снова зажигается, на сцене – горожанки, в центре Иван.

1-я: А может, это всё-таки нечистая сила была?

2-я: Помилуйте, вы грамотный человек!

3-я: Да просто шайка гипнотизёров!

4-я: А их поймали?

5-я: Увы, нет...

6-я: А Берлиоз? что говорят газеты?

7-я: Следствие зашло в тупик. За неимением улик дело прекращено!

8-я: Какой ужас!

9-я: Кстати, были аресты. Задержали граждан с фамилиями Вольман, Вольпер, Володиных несколько, Вольховский и даже один Ветчинкевич. Отпустили. Не те.

10-я: Да, были ещё Коровины, Коровкины и Караваевы.

1-я: Да, много странного...

2-я: Наконец-то всё кончилось!

Иван: Да, всё кончилось. И он отпустил на свободу Мастера, как тот сам отпустил созданного им героя... отпустил в бездну... навсегда...

Иван достаёт рукопись, вчитывается, правит. Свет медленно гаснет